

Глава 9

Весть о том, как седьмой принц устроил переполох в императорской кухне, быстро разлетелась по внутреннему дворцу.

Реакция наложниц в покоях была разной, но большинство отнеслись к случившемуся с пониманием. В конце концов, дело было всего лишь в недостатке еды. Никто не был настолько глуп, чтобы из-за подобной мелочи затаивать обиду на принца.

Каким бы опальным он ни был, в его жилах текла кровь Его Величества.

Дворец Сюсян

Слуги из большой кухни, торопясь и суетясь, наконец доставили обед для драгоценной наложницы Лань.

Во дворце Сюсян имелась собственная малая кухня, предназначенная специально для неё, однако некоторые блюда готовить там было неудобно, поэтому их приходилось заказывать в большой императорской кухне. Недавно во дворец доставили партию питательного снежного женьшеня и ласточкиных гнёзд.

Она ждала всё утро, но вместо изысканных яств получила известие, окончательно испортившее ей настроение.

— Почему сегодняшняя каша из снежного женьшеня снова такая жидкая? — придирчиво спросила она.

— Люди из большой кухни говорят, что повар в первую очередь готовил для седьмого принца, поэтому сегодня блюда не хватило времени, чтобы дойти до готовности.

— Воля Его Величества... — начала было драгоценная наложница Лань, но тут же с яростью швырнула на пол недоеденное пирожное. — Да почему Его Величество вообще обратил внимание на этого маленького ублюдка?!

— Простое лекарство... которое ему дали, вопреки всему, спасло ему жизнь. Какая живучая тварь. Наложница Юнь ещё при жизни постоянно шла мне наперекор, отнимая всё внимание Его Величества. Неужели теперь и её сын отнимет у моего ребёнка отцовскую любовь?

Император Чунчжао уже давно не посещал внутренний дворец. Даже когда он приходил, то лишь заглядывал к наложницам, воспитывающим принцев и принцесс, чтобы проверить успехи

детей в учёбе или изредка поскакать на лошадях на тренировочном поле. Большую же часть времени он проводил во дворце Цзычэнь, разбирая доклады.

И вот теперь он начал проявлять заботу об этом маленьком отроде. Что же будет, когда истекут три года, предсказанные Астрологическим управлением? Впрочем, раз уж император обратил свой взор на дворец Цзюйань, она больше не могла действовать так же, как в прошлый раз.

Драгоценной наложнице Лань оставалось лишь утешать себя мыслью, что этот выродок рос вдаль от Его Величества, и, даже несмотря на память о наложнице Юнь, сильных чувств к нему император питать не будет.

В этот момент с учёбы вернулся шестой принц.

— Матушка, матушка! — радостно воскликнул он, вбегая в покои.

Драгоценная наложница Лань тут же сменила гнев на милость и ласково поманила его рукой:

— Уроки закончились, иди скорее к матушке.

Шестой принц бросился в её объятия.

— В классе так скучно, матушка, я больше не хочу туда ходить, — пробормотал он.

— Нельзя! — тон наложницы стал строже.

Она взяла сына за плечи.

— Ты должен прилежно слушать Учителя и учиться лучше всех остальных принцев, только так ты заслужишь величайшее внимание своего отца-императора. Иначе его любовь достанется другим, понимаешь?

Шестой принц надул губы, явно не придав её словам значения.

Лишь когда наложница Лань повторила свою мысль, он неохотно ответил:

— Да, дитя поняло.

— А теперь, — она снова обняла его, — расскажи матушке, что вы сегодня проходили. Матушка подготовится, позовёт отца-императора и порадует его твоими успехами.

— Но уроки Учителя такие трудные...

— Ты обязан всё запоминать! Иначе, когда отец-император спросит тебя, а ты не сможешь ответить, как же он тогда обрадуется?

— Отец-император всегда спрашивает старшего, второго и третьего братьев, до меня очередь не доходит.

— Нет. С сегодняшнего дня ты будешь ложиться спать на четверть часа позже. Ты меня слышал?

Шестой принц промолчал.

Император в своём гневе устроил чистку во всех дворцовых управлениях. Даже няньки, самовольно покинувшие свой пост, понесли заслуженное наказание.

Евнуха Фу заперли в тёмной комнате без окон и морили голодом. Евнух Юй отдал приказ: когда тот иссохнет до состояния мумии, вскрыть его и взвесить, чтобы узнать, сколько в нём было плоти, раз он осмелился обкрадывать принца и поднимать руку на господина.

Эта показательная расправа возымела действие — больше никто не осмеливался пренебрежительно относиться ко дворцу Цзюйань.

Несколько дней подряд во дворце было не протолкнуться: слуги сновали туда-сюда, и на лице каждого сияла учтивая и радушная улыбка. Стоило Сыну Неба лишь бросить мимолётный взгляд, и этот заброшенный уголок мгновенно превратился в самое желанное место в Запретном городе.

Все долги были возвращены, недостающее — восполнено.

Е Сяюань сбился с ног, принимая подношения, и остановился лишь тогда, когда кладовые оказались забиты до отказа. Изначально такого изобилия не предполагалось.

Но весть о том, что Его Величество вновь обратил внимание на седьмого принца, облетела весь внутренний дворец. Императрица первой явилась к императору с повинной, признав свою вину в том, что не уберегла и не позаботилась о государевом отпрыске. Хотя все прекрасно понимали истинное положение дел, этот долг она должна была исполнить.

В глубине души императрица испытывала досаду. Она ведь ясно приказала не слишком притеснять обитателей дворца Цзюйань, но в итоге всё обернулось именно так.

После покаяния она первой прислала дары.

А раз сама императрица прислала дары, остальные наложницы последовали её примеру, преподнеся кто что мог. Таковы были правила дворцового этикета. Пусть это и было лишь показное усердие, но во дворце Цзюйань появились вещи такого качества, каких здесь прежде никогда не видывали.

Поскольку дарить детские деревянные игрушки, ткани и парчу было проще всего и не грозило ошибкой, кладовые наполнились множеством подобных безделушек.

Императрица даже прислала двух нянек-швей, чтобы снять мерки с Цюй Дубяня. Е Сяюаню больше не нужно было самому шить ватную одежду — теперь этим занимались дворцовые мастерицы.

Более того, им больше не приходилось самим ходить в большую кухню за едой. Новый евнух, отвечавший за распределение блюд, выделил двух человек специально для доставки еды во дворец Цзюйань. Если хотелось чего-то особенного, достаточно было сказать об этом за день.

За исключением того, что дворец по-прежнему находился на отшибе, а его убранство оставалось ветхим, Цюй Дубянь наконец-то получил подобающее принцу обращение.

И всё это — лишь благодаря капле внимания его дешёвого папаши.

Удар по тыльной стороне ладони Цюй Дубяня поначалу показался лишь немного болезненным — впрочем, он и сам притворился, что ему больно, — но позже на коже действительно проступил синяк.

Е Сяюань долго причитал, каждый день втирая в ушибленное место мазь. Кожа у детей нежная, кости мягкие, и Цюй Дубянь морщился от боли.

Он понимал, что, хоть ему и удалось привлечь внимание отца с помощью озорного сна, этого было недостаточно. Главная проблема крылась в давнем пророчестве Астрологического управления. Пока с него не снимут клеймо «убийцы матери», в сердце его отца всегда будет жить заноза.

Хотя жизнь во дворце Цзюйань наладилась, император так и не приказал ему покинуть это место. Это означало, что в глубине души он всё ещё больше доверял прорицателям.

А раз Астрологическое управление смогло изречь одно неблагоприятное для него пророчество, оно могло изречь и второе, и третье.

«Проклятый старый пень, верящий в феодальные суеверия»

Так или иначе, жить стало можно. После недавних событий стоило на время затаиться. Если появится возможность прожить остаток дней в мире и покое, Цюй Дубянь не хотел раньше времени вступать в конфронтацию с Астрологическим управлением.

Пока они занимались синяком, Вэнь Сяочуня во дворце не было.

На третий день после переполоха в большой кухне Е Сяюань и Вэнь Сяочунь тайно проговорили полчаса, после чего Вэнь Сяочунь ушёл.

С падением евнуха Фу в большой кухне также прошла чистка. Однако это было место, где всегда не хватало рабочих рук, и, чтобы занять освободившуюся должность, нужно было действовать быстро.

Вэнь Сяочунь был человеком из дворца Цзюйань, а Его Величество как раз обратил на этот дворец своё внимание. Поэтому главный управляющий большой кухни не стал чинить ему препятствий, а, напротив, встретил с добродушной улыбкой.

— Я видел тебя сегодня в полдень, ты ведь служишь при седьмом принце, не так ли?

Вэнь Сяочунь кивнул:

— Я слышал, управляющий назначил двух евнухов отвечать за ежедневное питание во дворце Цзюйань, но его высочество, привыкший к пренебрежению, всё никак не может успокоиться. Вот он и велел мне приходить сюда и присматривать. Если евнух Юй снова спросит, будет что ответить.

Смысл был ясен: дать ему здесь должность, чтобы он мог осуществлять надзор. Если в будущем с едой для дворца Цзюйань что-то случится, наличие надсмотрщика снимет с управляющего значительную часть ответственности.

Одна должность в обмен на снижение рисков.

Управляющий оказался человеком сообразительным и, услышав это, тут же хлопнул в ладоши.

— И это всё, о чём ты беспокоишься? Что ж, тогда ты...

— Вэнь Сяочунь.

— О, Сяочунь. Хорошее имя, — похвалил управляющий. — Как раз кстати, у нас освободилось место младшего смотрителя за маслом. Работа самая лёгкая. Будешь числиться на этой должности, захочешь — приходи, не захочешь — оставайся присматривать за маленьким принцем.

— Однако месячное жалование, боюсь, будет... Как тебе такое предложение, внуч Сяочунь?

— Само собой разумеется, — ответил Вэнь Сяочунь. Ему нужна была лишь возможность.

Это было их совместное с Е Сяюанем решение. Получив должность, можно было шаг за шагом заводить связи и медленно продвигаться вверх.

Обменявшись любезностями, они разошлись, каждый довольный собой. В обычное время ни дворец Цзюйань, ни сам Вэнь Сяочунь не имели бы права на подобный разговор, но сейчас всё было иначе.

После периода суеты жизнь во дворце Цзюйань вернулась в спокойное русло.

Цюй Дубянь отослал всех приставленных к нему незнакомых слуг. После случая с передозировкой лекарства он не решался доверять чужим людям. Сославшись на то, что не любит незнакомцев, он всех прогнал.

Он был неприхотлив, и двоих — спутника Е и Вэнь Сяочуня — было вполне достаточно.

Теперь, когда он был сыт и одет, Цюй Дубянь начал обдумывать следующий шаг. Нужно было писать эссе, но он не знал грамоты. К тому же во дворце Цзюйань не было ни кистей, ни туши, ни бумаги.

Однако его положение изменилось, и когда он снова попросил письменные принадлежности, вскоре получил желаемое.

— Бумагу принесли! — торопливо вошёл Вэнь Сяочунь. — Ваше высочество, теперь вы можете писать.

— Дай-ка посмотреть! — обрадовался Цюй Дубянь.

Вэнь Сяочунь осторожно выложил всё на стол.

— Поскольку вам ещё нет трёх лет, без особого разрешения нельзя получить много хороших вещей, так что дали только это. Я пересчитал: примерно двести листов бумаги, маленькая тушечница, брусок туши, маленькая кисть. Угольные палочки никто не использует, так что я взял три штуки.

Бумага была сносного качества, но отсыревшая, поэтому и лежала без дела. Брусок туши

оказался меньше стандартного — видимо, сделали из остатков. Но для Цюй Дубяня всё это было более чем пригодно.

Он с восторгом вертел вещи в руках, уже предвкушая, как переживёт все три стадии лихорадки на сто процентов и напишет эссе.

«Трижды по девяносто — это же целых двести семьдесят дней жизни!»

«Разве это бумага? Нет! — Цюй Дубянь заворожённо погладил листы. — Это сама жизнь!»

Е Сяююань принёс небольшую чашу с водой и капнул несколько капель в тушечницу. Он уже собирался растереть тушь, но Цюй Дубянь остановил его взмахом руки и взял в левую руку угольную палочку.

— Спутник Е, сначала воспользуемся этим.

Цюй Дубянь был левшой. В прошлой жизни он несколько лет упражнялся в каллиграфии и достиг определённых успехов, но всё же угольным стержнем писал быстрее, чем кистью.

— Спутник Е, ты ведь умеешь писать. А ты, Сяочунь, умеешь? Если оба умеете, можете учить меня вместе.

Е Сяююань и Вэнь Сяочунь переглянулись.

Хозяин и слуги молча смотрели друг на друга.

Цюй Дубянь не мог поверить своим ушам.

— Спутник Е, я же видел, как ты писал что-то угольком на белой ткани. Разве те каракули — не иероглифы Великой Чжоу?

— Ваше высочество, — смущённо проговорил Е Сяююань, — во дворце мало кто из слуг грамотен. Для удобства обмена вещами мы придумали свои знаки, лишь бы понимать друг друга. Но я действительно не умею писать. Служа при Её высочестве, я едва выучил несколько иероглифов.

Грамотных слуг во дворце было немного, и для общения они чаще использовали самодельные знаки.

— Теперь, когда условия улучшились, я могу одолжить несколько книг для начинающих, — добавил он с сомнением.

— Благодарю тебя, спутник Е, — с глубоким вздохом произнёс Цюй Дубянь.

Но какой в этом был толк? Он всё равно не знал грамоты. Возможно, во всём дворце и нашлось бы несколько слуг, кое-как разбирающих иероглифы, но его конечной целью было написание полноценного текста. А для этого нужен был учитель уровня хотя бы наставника для начинающих.

Он отложил угольную палочку и, подперев щеку рукой, задумчиво произнёс:

— Где же можно научиться грамоте...

— Ваше высочество, — тихо подсказал Вэнь Сяочунь, — дворец Цзюйань, где вы живёте, находится в самой западной части. Здесь по традиции жили и учились принцессы перед замужеством. А место, где учатся принцы, — на самом востоке.

Е Сяююань нахмурился и бросил взгляд на Вэнь Сяочуня.

Цюй Дубянь тут же заинтересовался:

— Место, где учатся... Далеко отсюда?

— Идти придётся долго, и без разрешения туда не пускают, — тактично ответил Е Сяююань, пытаясь отговорить маленького принца от этой затеи.

Но Цюй Дубянь не собирался упускать такой шанс. В его глазах зажглись огоньки.

— Решено! — заявил он. — Встанем пораньше и проберёмся туда тайком!

Разве он делал это ради учёбы? Нет! Он делал это, чтобы выжить! Ему осточертело просыпаться каждый день и видеть, что ему остался всего один день жизни.

...

Е Сяююань отвёл Вэнь Сяочуня в сторону.

— К чему ты клонишь, предлагая его высочеству отправиться туда, где учатся принцы? А если он столкнётся с Его Величеством... и тот разгневается? Положение маленького принца только-только наладилось.

— За эти дни в большой кухне я кое-что разузнал. Его Величество никогда не посещает шесть дворцов Восточного сада. Даже если он хочет проверить успехи принцев, он либо отправляется

во внутренний дворец, либо вызывает их к себе во дворец Цзычэнь. Он не станет нарушать запрет пророчества.

— Можно было бы действовать осторожнее, — нахмурился Е Сяююань. — Подождать до трёхлетия его высочества и тогда поднять этот вопрос. Принцы в три года отправляются в Восточный сад для начального обучения, таков обычай...

Вэнь Сяочунь пришёл из-за стен дворца и по пути многое повидал. Пусть его кругозор был ещё неширок, он уже обладал звериным чутьём на опасность. В нынешнем затишье он ощущал приближение бури.

Он чувствовал, что его высочеству не стоит всё время оставаться во дворце Цзююань. Но выразить эту интуитивную догадку словами было трудно.

Вэнь Сяочунь нашёл другой довод:

— За полгода может случиться всякое. Откуда вам знать, что во внутреннем дворце нет никого, кто желал бы, чтобы его высочество не дожил до трёх лет? Думаю, евнух, вы понимаете это лучше меня.

Зрачки Е Сяююаня сузились.

Он до боли впился ногтями в ладонь, бросил взгляд в сторону спальни и быстро взял себя в руки.

Поразмыслив мгновение, он сказал:

— Позже найдёшь несколько книг для начинающих и заодно разведаеть дорогу. А завтра мы отведём маленького принца, постарайся не привлекать внимания.

— Хорошо.

Вэнь Сяочунь улыбнулся. Е Сяююань слишком сильно опекал принца, но стоило ему всё объяснить, и в решающий момент он никогда не терял здравомыслия.

Два этих неприметных маленьких евнуха в императорском городе имели свои собственные расчёты и планы.

Договорившись, они разошлись, каждый по своим делам.

<http://bllate.org/book/16117/1582295>